

Лилия БЕЛЯЕВА

НЕ ЗНАЮ, как вам, но мне и сегодня еще так часто бывает страшно — именно сегодня, когда только и разговоров, что о правовых гарантиях гласности, демократизации. Ведь все чаще, все навстречу вылезают на трибуны, в том числе газетные, журнальные, а подчас и очень-очень высокие, «вчерашние приспособленцы», которые так часто и следственно прожигали под сенью и куполом личности, и авторитаризма, и застоя и хорошо поставленным голосом декламировали свою историческую приверженность очередному «кримину». Присваиваясь к нему, восприняли как отмену лазейки для безблестящего, «в один присест, проинкрустация в ряды тех, кто действительно эту перестройку выстрадал.

Один знакомый мне колхозник говорит: «Я понимаю тех, кто вернулся с гражданской и вдруг увидел — в почете дельцы, и захотелось ему застрелиться». И пришел он ко мне вместе с товарищами: «Мы хотим послать свои партиябилеты в ЦК. Можете тогда гром грянуть и мы, коммунисты, перестанем чувствовать себя чужими в руках перестройщиков-авантюристов? Иначе — страшно жить. А вы нас звали — «боритесь, боритесь!»...

И вот как раз в минуту растерянности перед неуяснённой, а как бы все более самоволевающейся бессовестностью известных мне «прогрессистов», с неким ужасом перед демонстрацией беспартийности их сводящих, «привольночных» существования мне позвонили, что Илья Самсонович Шкапе 90 лет. И я пошла к нему, чтобы узнать, как он себя чувствует, может, а чем нуждается... все-таки, знаете ли, возраст.

А оказалось, к моему крайнему изумлению, что вовсе не Илья Самсонович шибко нуждается во мне, а в нем. Он сразу, еще на пороге дома (высочки встречать на улице), «сшиб» меня с нежного шеста энергичным, мускулистым рукопожатием и веселой, как бы это дико ни звучало, озорной улыбкой. И едва мы очутились в стандартной двухкомнатной квартире стандартного дома, где запах книг перебивал все иные запахи, я поняла, что, как прежде, говорю, «это меня Господь сюда привал».

Все, абсолютно все фанатично, что связано с Ильей Самсоновичем. Начать с того, что — вот, вот они, подлинные документы, удостоверения, № 949055, подтверждающие его активное участие в гражданской войне против кайзеровских солдат, петлюровцев. Когда воевал с денкинцами — уже командовал батальоном. Вот бумага, подтверждающая, что в 1919 году был избран делегатом на 3-й Всеукраинский съезд Советов. С конца 1922 года работал преподавателем Гомельской партийшколы, сотрудничал в газете «Новая деревня», «Лесская правда». С 1925 года работал в Москве в редакции известнейшей «Крестьянской газеты». Когда же в 1928 году по инициативе М. Горького был создан журнал «Наши достижения» — в нем заведовал историей текущей культуры И. С. Шкапе. И это о нем М. Горький напишет в предисловии к о советской власти. А о нем «Лицом к лицу» — итоге повести о войне Европы с удариными труда первых пятилетки отозвался так: «Интересна наша книга». Еще И. Шкапе при помощи А. Горького составлял словарь синонимов русского языка. Работал над большим словарем «В красные дни» — о немецкой интервенции на Украине, собирался писать роман о Н. Гоголе...

В архиве хранятся многие письма М. Горького, адресованные Илье Самсоновичу. Среди них и написанное тогда, когда И. С. Шкапе решил на время оставить журнал «Наши достижения»: «Значительная часть вашей редакционной работы такая, что если Вы отойдете от нее, это немедленно и очень плохо отразится на журнале... Знаю, что заместить Вас будет трудно...». В ценности будущей литературной работы Вашей я ни мало не сомневаюсь, и это еще раз должно подтвердиться, что я понимаю Вашу тоску по работе более напряженной, интересной и разнообразной. Крепко жму руку. Будьте здоровы. И нежножно по-терпите еще».

А позже, много позже, в 1955 году, Михаил Шолохов подлишет бумагу, где будет и такие слова, все о нем же, о И. С. Шкапе: «Знаю т. Шкапу И. С. с 1927 года по его работе в «Крестьянской газете», в журнале «Наши достижения» и в «Истории гражданской войны...». Считаю и считаю т. Шкапу И. С. глубоко советским человеком, безгранично преданным делу партии и Родине, способным и в дальнейшем быть полезным нашей Отчизне».

Готов ругаться за него головой... — Кто вы, Илья Самсонович? Как получилось, что целых двадцать лет вам пришлось вычеркнуть из жизни?

Резко дергает плотно всажженной в массивные плечи головой, выражает крайнее несогласие, в глазах тот же блеск задора и озорства:

— Никакие годы из моей жизни вычеркнуть нельзя, не дам. Тем более эти двадцать лет.

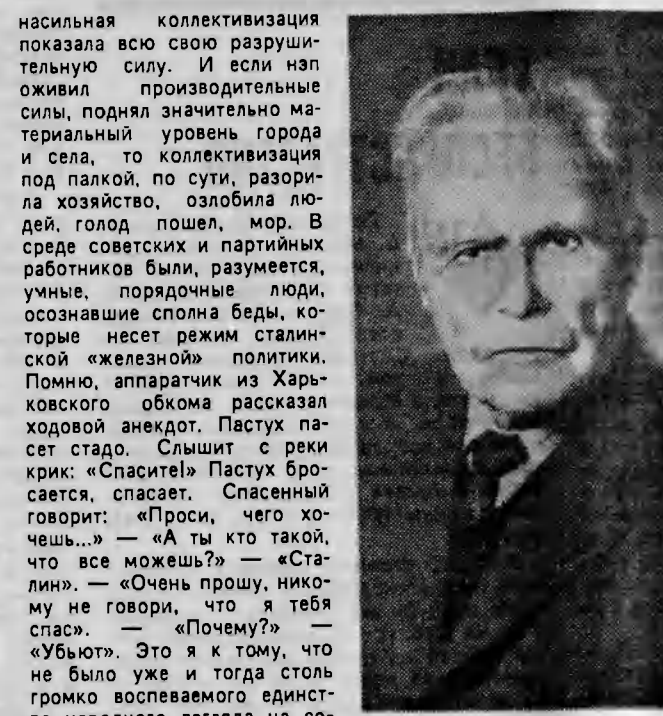
— Но ведь это, должно быть, так ужасно — тюрьмы, каторга... — не вдруг отступая, выкладывая нехитрый ассортимент знаний, свойственный ныне любой начитанной дамочке.

— Подделом мне, подделом! — возражает мой странноватый собеседник. — За все человеку положено платить самому. И разве я не знал, на что шел? Знал. Но я хотел жить только, не подлаживая под сильных, не тая собственное мнение. Иначе зачем я в семнадцатом вступил в партию? Не для того ли, чтоб ей помогать словом и делом, творить добро? Я же видел тяжесть народной жизни, понимал, что дальше так быть не должно, идея революционной борьбы мне казалась единственно спасительной. И если бы я, как обычный человек, который бьется только за самозащиту, вел себя тихо, за все, за что требовалось, поднимал руку, — возможно, никогда бы не узнал, как пахнет тюремная камера после Октября. Но в 1921 году я подал заявление: «Разделяю программу коммунистической партии, служа ей не только на словах, но и на деле (я участник гражданской войны и красный партизан), я разделяю той тактики, которая применяется для осуществления этой программы. Ура-коммунизм, авторитаризм, изобилие и низкоквалифицированных кадров не позволяют в партии выразить ни одной конструктивной мысли». За столь раннее «святоотчество» я и заплатил двадцатью годами... Началось стирание меня в порошок. Но, не скрою, секретарь Старицкого улова Гутман предупредил меня, пробавал облагоустроить: «Ты сошел с ума, Илья! Мы же тебя немедленно арестуем!» Возьми заявление назад, я никому ничего не скажу». Отрезал от всего сердца: «Соломон, если вы меня за это арестуете — я жить не хочу вообще. Неужели вы не понимаете, что папкой построят рай нельзя?»

— Против чего вы конкретно протестовали?

— Против того, что впоследствии получило название бюрократическо-бюрократический стиль. Он ведь уже тогда давал себя знать в деревне, когда приказом города, требован к крестьянину тыла, но никак не разрешит, когда к судному земледельцу не хотят прислушаться, центр командует, а ты — выполняй, и точка. Я задумался тогда над несправедливостью отношения именно к крестьянству. Ведь революция удалась, считая, в значительной степени потому, что был выброшен лозунг «Земля крестьянам!». Но очень скоро крестьянство стали думать бесконечными поддразниваниями. Я же в том, двадцать первым, выступил со статьёй о необходимости скорейшей земельной реформы проданогом. Я видел, как деревня усадет, голодает, страдает. Потом, как вы знаете, эту статью и провозвудит по указанию В. И. Ленина. Ну, а я, выходящий, слишком рано прозрел. Пошел не в ногу... Стало быть, виноват... Так что причина попадания в тюрьму было немало. Подписал — выгнали. Не утерпел, выгнали со статьи в защиту хутора, а за щиту такого способа хозяйствования на щите, когда крестьянин самостоятелен от

ГОТОВ РУЧАТЬСЯ ЗА НЕГО ГОЛОВОЙ...

Беседа с ветераном гражданской войны писателем Ильей Самсоновичем Шкапой, соратником и другом М. Горького, в прошедшем двадцать лет в тюрьмах и лагерях...

насилем коллективизация показала всю свою разрушительную силу. И если из оживив производительные силы, поднял значительно материальную жизнь города и села, то коллективизация под папкой, по сути, разорила хозяйство, озлобляя людей, голод пошел, мор. В среде советских и партийных работников были, разумеется, умные, порядочные люди, осознавшие сполна беды, которые несет режим сталинского «железного» политки. Помню, аппаратчик из Харьковского обкома рассказывал хоровой анекдот. Пастух паст стадо. Слышит с реки крик: «Спасите!» Пастух бросает, спасает. Спасенный говорит: «Проси, чего хочешь...» — «А ты кто такой, что все можешь?» — «Сталин». — «Очень прошу, никому не говори, что я тебя спас». — «Почему?» — «Убью». Это я к тому, что не было уже и тогда столь громко всевозможное единство народного взгляда на происходящее. В тот страх уже холодила многие души, унизительный страх за свою жизнь.

— Что же тут такое унизительное, однако? Человеку свойственно руководствоваться инстинктом самосохранения...

— Но не до такой степени! Животный инстинкт — это не добродетель. Но особенно отравительны мы те, в том числе и из нашей среды, писатели, которые и в то время, и десятилетия спустя делали глаза на бесчеловечность чудовищности сталинского режима. Не верю я им! Все они видели и знали! Но по-обывальски забывались в углы. И это с их молчаливого, лояльного, подлого согласия наблюдались под завязку тюрьмы и лагеря теми, кто посмел проявить волю, в ком не угасла тяга к самостоятельности мышления, кого в ту пору так легко, беззастенчиво можно было оклеветать. Позже, уже, то самое повторится с теми, кто «пропал» после смерти Брежнева. Ах, они были не в курсе! Ах, как же они могли такое слово правды тогда молвить, ведь же это, знаете, что было бы? А сейчас соловьями поют-развиваются Тех «клевмат», эти слава, вот и пойдя, повойной с такими, сотвори перестройку с перелицовкой, у которого ни совести, ни чести. А детки их? Ведь такти и деток своих воспитывают, что точно соответствовали моменту и пронабили. Руководство страной надо быть семи ядов до лу, чтобы вовремя заметить как ростки нового, благородного, так и набухающую мало-помалу плесень.

— Что такое счастье в этом мире, как вы его понимаете?

— Скажу так. Первое — не предавать самого себя. Нигде, никогда. Не будешь себя предавать — не предашь и друзей-единомышленников. Разумеется, не мыслю счастья только для себя. Счастье только тогда полноценно, когда твой народ не в горе, не в нужде. Второе — знать, как можно больше знать. Похвальное — у меня всегда была отменная память, учился только на пятерки. Но прозреть по-настоящему начал в 1915 году, когда прочел «Плакучий» восточного писателя Кадри Либкехта. Он зажег мне искру революционного несогласия с самим. А ведь кто я был до «столяко-

венный писатель, рискованный человек, зарывал: «Разбойники нами руководят!» И не стало автора романа «Гуляй, Волга!». Расстреляли.

И чтоб понять драму Михаила Шолохова, надо знать, как он рано распознал народную беду. Чтобы понять, как он смог, смел нарисовать в столь молодые годы величайшее произведение «Тихий Дон», переполненное многоголосьем согласий и несогласий с властями предрешающими, тоской по правде, кровью, болью и любовью. Не однажды я слышал от него: «Илья, бандиты, идиоты нами управляют». А вы спрашиваете, что мне дало силы отсидеть двадцать каторжных лет? Правда была всегда со мной, за правду, в которую веровали благороднейшие умы, страдавшая, и эти страдания только укрепляли меня в моей вере. Но я хотел бы сейчас поселиться в...

— Чем же?

— Наверное, тем, что мне, Шкапе, кажется смешным, забавным. Иду, дело на Колыме было, иду в КВЧ, то есть в культурно-воспитательную часть, хоть почитать газетку. Сил нет, не иду, а бреду, грязный, заросший. На пороге — блатарь. Ни с того ни с сего бьет меня ногой в грудь. Я умоляю чьему-то не порывайся в грудь. Я спрашиваю: «За что?» Разговорились, и, представьте, мы становимся к лучшему строю на всю жизнь. Я с ним по-человечески поговорил, и его сердце, вечно настороже, сердце преследуемого, унижаемого, оттаяло. Должен сказать, что и восемь следователей из тринадцати, которые «возникли» со мной, стали в конце концов моими друзьями. Смешно вроде? Но сила участия, готовности войти в положение — великая сила. Она встряхивает человека, возвращает к нему способность к милосердию. Ну, не всякого, конечно, нет, есть законченные подлецы.

И вот из области смешного. На меня написал донос один извиненный в двадцать годы писатель П., только потому написал, что я высмеял начало его романа, сказал, что язык натянутый, подробности весны в деревне абсолютно недостоверны. Сообщил куда надо: мол, И. Шкапа «приписал к своим правую коммунистическим целям всю «Крестьянскую газету».

Забавно было наблюдать, как восприняли мое возвращение из мест не столь отдаленных тоже весьма популярные писатели П. и И. К. одному из них меня не пропустили сторож. Сначала сказал, что хозяин дома. Но сходил к хозяину, вернулся встревоженный, шепчет: «Нету хозяина, срочно уехал». И смех, и грех...

Шолохов шел по улице в Москве, нес в обеих руках — огромный арбуз. Когда увидел меня — арбуз вдабрился. Жив я, не ногой полтора месяца, еще не реабилитированный... Вот был друг... К счастью отношу и умение работать кому-то лучше, теплее... Счастье — не поддаться злу, не дать ему сломать тебя, превратить в чиника, в существо раздраженное, сумрачное, недоброжелательное. Мне особенно, так сказать, избранное счастье: переоблачить бросишь, сильным, возвратным тифом — и вот жив.

— Почему вы так мало говорите о М. Горьком? Ведь вы с ним, как говорится, прожили семь лет, и читатели знают вас более всего по книге «Семь лет с Горьким»?

— Возможно, потому не говорю, что многое из этого было написано... А вот что не написал, о чем до срока не говорил... Вот о чем — Максим Горький не был обольщен той полухозой, которую ему организовывал Сталин. Некоторым сегодня почему-то выгодно представлять этого огромного, мудрейшего человека злым сплетником и митрополитом. Внимательно прочтите его письма к Роллану и обрящите... Те, те, самые, которые были хотели в шестидесятые годы издать двухтомником, да не стали, рассыпали набор. Еще кому-то предостри раскрыть, проанализировать во всей полноте трагизм существования величайшего писателя, который прозрел и ужаснулся сразу после смерти Брежнева. Ах, они не желая, смертельно больны, но желая, смертельно больны сына Максима и не желая смертельно больны сына Максима и не желая смертельно больны сына Максима...

— Я был его обозначил так — умеете быть благодарными! И прежде всего родителям, что дал вам возможность увидеть свет. Я очень и очень благодарен матери моей Марии Никифоровне, она передала мне, своему первенцу, столь пречные гены выживаемости, что я вернулся оттуда, откуда большинство не было возврата. Когда меня уничтожали там всеми доступными бандитам способами, они знали, что творили, их приговор был такой: «Вернется неспособный ни к умственному, ни к физическому труду».

Я благодарен М. Горькому, М. Шолохову, академику И. Минцу за то, что они не дали угаснуть в душе моей вере в добро, в справедливость, в благородство личности.

А сейчас я очень благодарен тем людям, которые не оробели и вынесли на поверхность всю правду о неправде по, но и беззастенчиво. Ибо это наиболее читаемые, популярные, прибыльные виды литературы. И печатать книги не серединами, не чиновники, использующие свою должность, чтобы печататься, а выскальчивая, необычно одаренных людей не только выгодно, но и полезно. Их книги могут воздвигать на вкус тех, кто поглощает километры примитивной приключенческой, детективной литературы и фантастики. Настоящая фантастика — всегда философия, настоящий детектив — социальное исследование. Эмоциональное воздействие таких книг огромно — на разные возрасты и уровни образования.

Сейчас, когда издателей должны приносить прибыль не путем пересортицы, когда надо, чтобы иные собрания сочинений не занимали полки в библиотеках, пока их не спишут как мексодыне, тогда часть нашей литературной продукции преждемму раскупается мудрыми читателями, чтобы ее сдать в макулатуру ради «настоящих книг», как никогда важно печатать то, что способно обновить популярные жанры, очистить их от ремесленного, спекуляционного дефицита... развлечений.

Как же, пора убрать рогаки на пути молодых писателей, опасных одним — своим талантом. Опасных для тех, чьи произведения на их фоне блекнут и сереют... Вам что, больше всех надо? И так путевки не получим, в поликлинике сидеть часами, а тут еще без книг, вне очереди... Им что, не надо?

Преображение теми, кто работает в жанре фантастики и детектива, не просто глупо, но и беззастенчиво. Ибо это наиболее читаемые, популярные, прибыльные виды литературы. И печатать книги не серединами, не чиновники, использующие свою должность, чтобы печататься, а выскальчивая, необычно одаренных людей не только выгодно, но и полезно. Их книги могут воздвигать на вкус тех, кто поглощает километры примитивной приключенческой, детективной литературы и фантастики. Настоящая фантастика — всегда философия, настоящий детектив — социальное исследование. Эмоциональное воздействие таких книг огромно — на разные возрасты и уровни образования.

железного, сталинского и прочих периодов нашей непростой истории. Вообще я всегда был убежден в том, что рано или поздно правда побеждает. Значит, не зря я жил так долго, значит, я исключительно счастливый человек, ведь сколько умерло моих друзей, не дожив до перестройки.

И сегодня партийные документы полны духом той бесстрашной революционности, за которую пострадало так много честных и отважных. Сегодня мы принародно говорим некогда «кощунственной», «засекреченной». И о том, что ранняя пробуковка социалистической системы объясняется нежеланием человека быть пешкой в чужой игре. И о том, что в эпоху борьбы за «святую свободу» мы не заметили, как переступили грань, за которой начинается насилье, провозво... Или, точнее, позволили «вождю всех народов» эту грань перешагнуть и на костях ставить опыты по построению казарменного, бездуховного коммунизма, выдвигая за великую заботу о человеке, за осуществление именно его чаяний... И так далее, и тому подобное. Между тем В. И. Ленин еще в марте 1919 года сказал дальновидные слова: «Мы унаследовали от крестьян, а не учителя их... Задача сводится, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перестройки к лучшему строю и не метать кокашников!» (В. И. Ленин, ПСС, т. 38, стр. 201). И ныне мы все, вместе с партией, возвращаем этим словам их истинную цену...

Я благодарен граждански отважным руководителям партии и государства, которые твердым курсом на демократизацию и гласность, не расцел достоинство личности, не только, так сказать, «тешат» нас, стариков, но — что самое важное — облагоустривают, очищают от слобзана бездумья юные головы. Ах, как это важно, чтоб не застряли юные на желаний извергать «крики», «клеветы», но чтобы их сердце жаждало добра, красоты, чести от подступающих бед, испытаний. Мы должны морально воздвигать и не оставлять мечты о построении коммунизма, наиболее справедливого социального правопорядка, мыслимого на нашей грешной земле. Впрочем, что я, вот...

И он протянул мне отпечатанные на машинке страницы, озаглавленные: «Что нам надо перестроить, чтобы жизнь свою построят...» Среди первых предложений есть и такое: «...начальники партийные двадцать лет: «Дайте крестьянину волю и никогда не отнимайте ее у него! Не навязывайте ему ни трактора, ни комбайны, ни свои «умные» указания. Помните: кто не хозяин на своей земле, тот не работник, а безответственный поденщик, а по-старому, по-народному: «Невольник — не Богомольник».

Невский, но очень, крепко сбитый, он уперисто стоял как бы посреди событий жизни, а тут, вокруг, на столе и диване лежали книги, отнюдь не простые, с авторграфами Армена Веселого, Максима Горького, Михаила Шолохова, Владимира Дудинцева, Роя Медведева... Всех не перечислить.

Собственно, мы много говорили о «страшном». Но уходила от этого странного, поразительно живучего человека с ощущением победы, нашей общей победой над прохвостами, подлецами и плачущими.

— Ну что? — спросил напоследок. — Не испортил вы нас настроение? — Что вы Наоборот!

Образовался несканзанно: — Ага! Значит, не зря, не зря я еще тогда землю Мою, могу быть еще ПЛАЩА и жертвы... А есть, есть еще Илья Самсонович Шкапа, и он — среди нас, и мы в своем сердце задумываемся, как это удивительно, как поучительно, какое откровение...

Лариса ИСАРОВА Литературно-педагогические раздумья

действовали только произведения В. Богданова начиная с «Ивана», а потом — Ю. Фабийченко, после знакомства с «Клишиевым». Книга Корсакова — о любви и предательстве, о фанатизме долга и карьеризме, о том, что никому не дано быть с прозрительной ясностью и честностью. Книга многоплановая, остросоциальная и лиричная...

Но уже несколько лет эта рукопись переправляется из издательства в издательство с мотивировкой: «велика», «сложна», «спорна». И для него тоже прием в Союз писателей неурален... Где же логика? Мы третьим поколением молодых писателей. Выдерживаем их в пленках, пока в лолах не просыпаются усталость, равнодушие, раздражение, пока не иссякнет оптимизм, страстность, гражданственность. Печальный пример — судьба Ю. Фабийченко, который покинул с собой несколько

по, но и беззастенчиво. Ибо это наиболее читаемые, популярные, прибыльные виды литературы. И печатать книги не серединами, не чиновники, использующие свою должность, чтобы печататься, а выскальчивая, необычно одаренных людей не только выгодно, но и полезно. Их книги могут воздвигать на вкус тех, кто поглощает километры примитивной приключенческой, детективной литературы и фантастики. Настоящая фантастика — всегда философия, настоящий детектив — социальное исследование. Эмоциональное воздействие таких книг огромно — на разные возрасты и уровни образования.

Сейчас, когда издателей должны приносить прибыль не путем пересортицы, когда надо, чтобы иные собрания сочинений не занимали полки в библиотеках, пока их не спишут как мексодыне, тогда часть нашей литературной продукции преждемму раскупается мудрыми читателями, чтобы ее сдать в макулатуру ради «настоящих книг», как никогда важно печатать то, что способно обновить популярные жанры, очистить их от ремесленного, спекуляционного дефицита... развлечений.

Как же, пора убрать рогаки на пути молодых писателей, опасных одним — своим талантом. Опасных для тех, чьи произведения на их фоне блекнут и сереют... Вам что, больше всех надо? И так путевки не получим, в поликлинике сидеть часами, а тут еще без книг, вне очереди... Им что, не надо?

КТО ПРИДЕТ НА СМЕНУ?

ТАЛАНТ, талант — мера веса и монета древних греков и римлян. А также природный дар и способность у человека. А еще — счастье, удача, прибыль, барыш. По определению Дала.

Талант у нас — беда, ибо чем он ярче, сильнее, тем труднее ему пробиться, бороться, прорваться сквозь спрессованную массу средних индивидуальностей. Так, во всяком случае, было.

Талант — редкость, его надо беречь. За себя бороться не умеет, а в крайнем случае — за другого. Потому что носитель подлинного таланта добр и всегда радуется, встретив яркую, самобытную личность.

К сожалению, у нас повсеместно странная установка: пусть талант подтолкнется, пусть талант в жизни все напугивается, поламается, а уж о появлении таланта думать и всегда радуется, встретив яркую, самобытную личность.

Но кого с кем? Если бы талант с талантом! Уже семь лет существует Всесоюзный семинар молодых писателей — фантаст, детективистов, а также и фантастов, координаторами были покойный Д. Биликин, Е. Воложский и я. Позже приобщились С. Снегов, В. Михайлов, П. Шестаков. Возраст всех — от пятидесяти до семидесяти пяти.

Конечно, ярче звучали бы имена братьев Стругацких и братьев Вайнеров, но далеко не всегда мастера могут быть учителями. Это другая ипостась. Надо уметь домысливать с младшими товарищами их произведения, показывать успешные возможности и радоваться удачам. Большим писателям такая напряженная работа ни очень интересна. Да, кроме того, они и не всегда объективны, категорически признавая лишь свое мироощущение и миро-восприятие.

В общем, в первые годы семинар работал руководители, все работало заинтересованно, с высоким потенциалом, максимумом энтузиазма и честности. Присаживались начинающие писатели со всего Союза,

из всех республик и регионов. В возрасте от двадцати до сорока. У одних было немало публикаций, у других — ни одной, но никто никого не презирал, все любил те жанры, которые избирали, и лепели надежду, что их литературная судьба сложится благополучно.

Мы, руководители, читали рукописи, старались показать друг другу самые яркие, посещали обсуждения. Я появлялся у фантастов, к примеру, а Биликин заходил к приключенцам... Совместно подводили итоги, отмечая наиболее одаренных, независимо от жанра, совместно принимали решения, кого рекомендовать в Союз писателей, но...

Именно самые яркие и одаренные либо совсем не печатались, либо очень редко, только в «тонких» журналах, а уж о появлении отдельных книг говорить почти не приходилось. И в результате прием в Союз писателей для них возможен лишь годом к шестидесяти.

До сих пор «неписатели» Веллер (Таллин), Лукнин (Волгоград), Покровский и Геворкян (Москва), Штейн (Киев), Рыбаков и Измайлов (Ленинград), а уж не говорю о В. Бабенко, самом удивительном человеке, которого я знаю из молодых. Бесемейный староста нашего семинара, «всевобий» лавра для тех, кто пишет в жанре фантастики и приключений, обладатель уникальной картотеки и своеобразного произведений, даже имеющий международную премию. И этот сороклетний молодой писатель, остро нужней в Союзе писателей, за бортом нашей почтенной организации.

Данил Корейкин — человек внешне преуспевающий и благополучный. Юрист, доктор наук, подполковник МВД. Печатаются давно, с каждым годом все интереснее. Но вот он создает роман, равного которому не было ни на одном нашем семинаре, неповторимый и непохожий на расхожую коммерческую детективную литературу, — «Смещающие обстоятельства». Завыб его трудно, но меня с такой силой раньше